

Не всякая, конечно, дешёвенькая идея завоевываетъ міръ, какъ не всякій глупый фильмъ имѣетъ успѣхъ. Дѣло историческаго счастья и, въ сравнительно небольшой мѣрѣ, дѣло политическаго умѣнья. Какіе шансы были въ 1911 году у Ленина стать полновластнымъ правителемъ Россіи? Въ этомъ смыслѣ Ловжюмо —

полезный урокъ и для насъ. Одинъ шансъ изъ ста это тоже шансъ. «Never say die», — говорятъ англичане. Въ нѣсколько иной формѣ, помнится, выразилъ ту же мысль Эразмъ: съ надеждой будешь дуракомъ, и безъ надежды будешь дуракомъ, поэтому лучше — съ надеждой.

М. Алдановъ.

Культурные сдвиги

Среди огромныхъ переѣвъ въ бытовой и духовной жизни Россіи, накопившихся за послѣдніе два года, не всё имѣютъ общій социологическій коэффициентъ. Национализация революціи совѣмъ не то же значить, что ея «нормализация». Национальный мотивъ былъ первымъ, прозвучавшимъ громомъ въ годы статинократіи. И онъ, безспорно, имѣлъ тогда еще революціонный, «большевистскій» смыслъ. Эта была послѣдняя форма революціоннаго динамизма, послѣдняя попытка раздуть огонь массоваго энтузіазма, потухшаго послѣ пятилѣтки, подбросить въ костеръ новыхъ дровъ. Можно огмѣтить три фазы, которая проходила въ Россіи большевистская агрессія: ярость классово-войны, ярость индустриальнаго строительства и, наконецъ, война въ ея чистомъ видѣ, война военная Милитаристическій исходъ революціи — ея естественный исходъ. Большевизмъ же, зачатый въ войнѣ, всегда сохраняетъ печать своего военнаго происхожденія. Онъ любилъ даже безграмотность ликвидировать методами военнаго «фронта». Когда пятилѣтка закончилась психологическимъ проваломъ, можно

было поставить вопросъ: конецъ ли это революціи? Или у нея имѣются еще ресурсы? Отвѣтъ былъ одинъ. Только война можетъ дать новый зарядъ энтузіазма — на этотъ разъ революціонно — патриотическаго. Если не массы русскаго народа, то его молодежь готова защищать завоеванія революціи отъ внѣшнихъ, какъ и отъ внутреннихъ враговъ. Внѣшнія основанія для революціоннаго оборончества были явны: опасность германо-японскаго нападенія была — и остается — весьма реальной. Но нельзя вести войну, не освобождая такъ или иначе инстинктовъ всенароднаго патриотизма. Такъ рождается новый сталинскій патриотизмъ: защита отечества, уже не «соціалистическаго». Несмотря на оборонительный, по существу, характеръ военныхъ приготовленій Россіи, въ первое время психологическая подготовка къ войнѣ пошла несомнѣнно характерно агрессивно — милитаристическій. Шумъ оружія, демонстраціи танковъ и пушекъ, угрозы всему міру — заглушали въ СССР на время всё другіе голоса. Это былъ послѣдній крикъ революціи. Съ тѣхъ поръ Сталинъ научился по-иному

защищать Россію, безъ угрозъ и истерики, понимая, что ноты пацифизма, соответствующія действительному положенію дѣлъ, гораздо выгоднѣе для Россіи. У нея могутъ найтись союзники. Литвиновъ ѣдетъ въ Женеву.

Съ тѣхъ поръ Россія меньше бряцаетъ танками, но патриотическое сознание растетъ и крѣпнѣетъ. Оно, несомнѣнно, находитъ откликъ въ странѣ. Годами сдерживаемое, даже удушаемое чувство любви къ родинѣ, столь человѣческое, получило свободу своего выраженія. И здѣсь первоначальный революціонный его моментъ отдѣляется другими болѣе интимными и вѣчными элементами. Красота родины, ея природа, ея языкъ становятся предметами восторженнаго поклоненія. Правда, и въ новомъ аккордѣ звуки социальнаго торжества доминируютъ: самая свободная страна, страна социализма! Но политическій ингредиентъ входитъ во всякое національное сознание. Шумные торжественные звуки народной гордости еще слишкомъ выпираютъ: свидѣтельство о большевистскомъ происхожденіи. Но уже есть и болѣе интимные и болѣе тихіе голоса — голоса не гордости, а любви.

До сихъ поръ эти голоса было бы правильнѣе назвать патриотическими, чѣмъ національными. Родина, которую они воспѣваютъ — это СССР, Союзъ Совѣтскихъ Республикъ, но не Россія. Въ составъ новаго легализованнаго патриотизма принято лишь то общее содержаніе, которое входитъ въ національное чувство всѣхъ народовъ Союза. Говоря старымъ языкомъ, это имперское, россійское, но не русское сознание. Из-

вѣстный запретъ, тяготящій надъ русскимъ національнымъ чувствомъ, надъ исторіей и духовной культурой Россіи — Руси, объясняется и политической остротой и глухотой просвѣтителъ къ этимъ чисто русскимъ мотивамъ. Опаснымъ кажется дифференцировать національное чувство народовъ СССР. И группа, стоящая у власти, имѣетъ слишкомъ пестрый племенной характеръ, чтобы инстинктивно прінять завѣщаніе Россіи. Имъ легче усвоить империалистическій стиль Имперіи, чѣмъ нравственный завѣтъ русской интеллигенціи или русскаго народа. Впрочемъ, одна дверь и здѣсь открыта широко. Русская литература XIX вѣка, и притомъ не только въ революціонныхъ ея теченіяхъ — открыта для всѣхъ. И черезъ нее всѣ народы СССР, и русскіе рабочіе и крестьяне пріобщаются къ наслѣдству русской культуры. Этотъ фактъ долженъ имѣть неизмѣримыя послѣдствія, пока еще не раскрывшіяся.

Если совѣтскій патриотизмъ можно разсматривать, какъ національное перерожденіе революціи, какъ ея сублимацію, то остальные вѣянія сталинской весны несутъ съ собой откровенный душокъ реставраціи. Когда-то Гинльякъ придумалъ для героической эпопеи первыхъ лѣтъ большевизма образъ Памира. Теперь Россія явно спускается съ Памировъ въ долины, гдѣ альпинисты, полунаторванные поставленными режорами, могутъ утолить свой человѣчскій голодъ, потребность въ отдыхѣ и снѣ. Такой смыслъ имѣютъ сталинскіе лозунги о «зажиточной», «веселой» и «красивой» жизни. Не все же надрывать-

ся для мірового будущаго! Надо, наконецъ, пожить и для себя. Поколѣніе, сдѣлавшее октябрьскую революцію, получаетъ ясный отвѣтъ на свой недоумѣнный вопросъ: «Для чего мы кровь проливали?» Рай на землѣ, мечта о новомъ человѣкѣ и новомъ бытѣ сводится къ точнымъ размѣрамъ: «жирный обѣдъ», модный костюмъ, патефонъ... Для голодныхъ и оборванныхъ людей этотъ идеалъ имѣеть и оправданіе и даже эстетическую прелесть. Все то, что такъ недавно было грѣхомъ для социалистическаго сознанія — что остается грѣхомъ для всякаго моральнаго сознанія — привилегія сытости и комфорта въ странѣ нищеты и неисчерпаемаго горя — теперь объявляется дозволеннымъ. Кончился марксистскій постъ и, безъ всякой Пасхи, безъ всякой мысли о воскресеніи, наступило праздничное обжорство. Для всѣхъ? Конечно, нѣтъ. Не забудемъ, что именно эти годы принесли съ собою новыя тяготы для рабочихъ и углубленіе классовой розни. Веселіе и зажиточная жизнь — это для новыхъ господъ. Ихъ языческій вкусъ находить лишнее удовлетвореніе своей гордости въ социальномъ контрастѣ. Нигдѣ въ буржуазномъ мірѣ нѣкогда не достигъ такой близости, какъ въ Россіи, гдѣ онъ только что освободился отъ долгаго запрета Стахановцевъ или ударнички-инженеръ получаетъ 3000 рублей, низовой рабочей — 100. Что значить этотъ контрастъ для того, кто не имѣеть вдоволь чернаго хлѣба, легко себя представить. Стахановцевъ ублажаютъ. Можеть ли быть иначе?

Но на верхахъ жизни продол-

жается реставрація дореволюціоннаго быта. Новое общество хочетъ какъ можно больше походить на старую, дворянскую и интеллигентскую Россію. Поскольку оно не довольствуется элементарной сытостью и комфортомъ, его мечты о «красивой» жизни принимаютъ невыносимо пошлую форму. По крайней мѣрѣ, совѣтская печать иначе не умѣетъ говорить объ этомъ. Въ описаніи совѣтскихъ пріемовъ и празднествъ новой знати сквозитъ Игорь Сѣверянина явно проступаетъ Смердяковъ.

Смердяковъ — и Шмитъ. Социалистическое мѣщанство — и безкорыстный героизмъ авіаторовъ, путешественниковъ, полярныхъ исследователей. Одни жадно вгрызаются въ жизненные наслажденія. Другіе аскетически отказываются отъ всего, — кромѣ, конечно, честолюбія. Ибо идеалъ рекорда остается высшимъ моральнымъ стимуломъ въ СССР. И аскеты и жуиры принадлежатъ къ тому же классу новой «знати». Гдѣ проходитъ разграничительная черта? Отчасти она создается природнымъ неравенствомъ людей, благородствомъ однихъ и мелкостью другихъ. Отчасти она совпадаетъ съ возрастомъ. Герои октября и пятилѣткіи, помножившіе свой героизмъ, разбиившіе свои нервы, хотятъ пожить для себя. Молодежь, вступившая въ жизнь, жаждетъ подвиговъ. Въ старой Россіи почти каждый студентъ былъ революціонеромъ въ 20-ть лѣтъ, обывателемъ въ 30. Въ современной Россіи изпанниваніе челоуическаго организма идея быстрае. Можно замѣтить, что Сталинъ и его дружина — поколѣніе 50-лѣтнихъ — сейчасъ зада-

еть тонъ на «веселую» жизнь. Известное размягченіе должно было коснуться и самого «стального» отбора бывшей партіи.

Послѣдніе годы много говорятъ о совѣтскомъ «гуманизмѣ». Содержаніе этого понятія въ Россіи столь же двусмысленно, какъ какъ и понятія совѣтскаго патриотизма. Одинъ изъ корней сталинскаго гуманизма часто хозяйственный. Организаторы замѣтили на исходѣ пятилѣтки, что машина требуетъ человѣка, который могъ бы смотрѣть за ней. Самый совершенный американскій механизмъ ломается въ неопытныхъ рукахъ. Отсюда возникла проблема кадровъ, какъ новый секторъ индустриальнаго фронта. Проблема созданія квалифицированной рабочей силы потребовала реформы школы, переоценки общей культуры. Производство требуетъ культурнаго человѣка: это новое открытіе влекло за собою отступленіе не только самодовлѣющаго техницизма, но и марксизма въ его тоталитарныхъ претензіяхъ.

Этотъ производственный потокъ «гуманизма» скрестился съ потребительнымъ. Человѣкъ хочет ѣсть, пить, одѣваться и т. д. Потребительный гуманизмъ совпадаетъ съ идеаломъ зажиточной жизни. До сихъ поръ этотъ поворотъ къ человѣку имѣетъ чистго утилитарный, хозяйственный, почти животноводскій смыслъ. Совѣтская власть поворачивается лицомъ къ человѣку, какъ раньше поворачивалась лицомъ къ кролику или къ свиньѣ. О гуманизмѣ здѣсь говорить смѣшно, ибо не ставится еще ни проблема свободы, ни духовной жизни,

взаимоотношеніе которыхъ составляетъ самую тему гуманизма.

Но, повидимому, какъ и въ рожденіи совѣтскаго патриотизма, Гитлеръ и здѣсь былъ крестникомъ отцомъ. Нѣмецкіе расисты сыграли роль пьяныхъ иловтовъ для московскихъ спартацевъ. Если фашизмъ объявляетъ войну гуманизму, послѣдній долженъ быть спясеенъ въ СССР, — странѣ, которая первая нанесла ему страшный ударъ. Что такое совѣтскій гуманизмъ, мы еще не знаемъ. Но ясно, что здѣсь разбужены духи, съ которыми можетъ и не справиться магъ. Огромное различіе между СССР и странами фашизма состоитъ въ томъ, что фашизмъ былъ духовной реакціей противъ упадочнаго гуманизма, тогда какъ въ Россіи къ культурѣ впервые пришли массы, еще не затронутыя имъ. Для нихъ гуманистическій XIX вѣкъ — особенно въ его русскомъ великомъ выраженіи — таить большіе соблазны. И эти благородные соблазны будутъ возрастать въ мѣру роста культуры, въ мѣру пониманія того языка, на которомъ написаны священные книги русскаго гуманизма. Здѣсь вся наша надежда.

Есть явленіе въ современной Россіи болѣе утѣшительное, чѣмъ героизмъ молодости. Въ героикѣ можетъ доживать себя пожаръ революціоннаго энтузіазма. Отъ него останется пепель и — веселая жизнь. Но иногда изъ оглушающаго хора «ликующихъ, праздно болтающихъ» доносятся иные, неожиданные голоса. Голоса скорѣе тихіе и одинокіе. Голоса раздумья о судьбѣ человѣка, о жизни и любви, о природѣ, о смерти и вѣчности. Настоящій человѣкъ рождается въ тишинѣ одиноче-

ства, а не въ гамѣ принудительной социальной активности. Этотъ чловѣкъ не нуженъ ни для строительства ни для обороны родины. Онъ дышитъ, поскольку можетъ дышать, по недосмотру и попушенію властей. Но если Рос-

сін суждено остаться духовной личностью, а не только географическимъ и политическимъ мѣстомъ, ея будущее зачинается сейчасъ въ молчаніи, едва для самого себя выразимомъ.

Г. Федотовъ.

Украинскій сепаратизмъ

Национальныя проблемы, постепенно осложняясь, къ XX столѣтію успѣли во многихъ случаяхъ дріобрѣсти большую напряженность и даже остроту. На Балканахъ, въ Китаѣ, Индіи, Палестинѣ, Южной Африкѣ, Египтѣ, Турціи, Афганистанѣ, Ирландіи, Иславии и т. д., и т. д. отдѣльныя націи или подводятъ итоги своего, давно уже идущагося, національнаго движенія, или возрождаются послѣ многовѣкового національнаго анабіоза, или, наконецъ, создаются совершенно заново тамъ, гдѣ никакого проблемска національнаго сознанія до сихъ поръ еще не существовало.

Аналогичный національный процессъ въ его многообразныхъ формахъ коснулся и Россіи. Конечно, отношеніе русскаго чловѣка къ этому процессу не можетъ быть инымъ, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, только потому, что онъ «происходитъ на русской территоріи или на территоріи бывшей русской имперіи». Оно можетъ быть отрицательнымъ только въ отношеніи возможныхъ отклоненій и извращеній вопліи законнаго и здороваго въ своей основѣ національнаго процесса (П. Миллюковъ. Национальный вопросъ). Совершенно ясно также, что на различныхъ образомъ возникавшіе и по раз-

ному формулированные національныя вопросы не можетъ быть единаго, ко всѣмъ конкретнымъ случаямъ въ равной мѣрѣ приложимаго отвѣта.

Если Россіи суждено возродиться, то крѣпость ея внутренняго единства можетъ быть достигнута только путемъ отказа отъ ея былого унитарнаго централизма. Но формы будущихъ національныхъ взаимоотношеній въ Россіи не могутъ уложиться въ единую схему. Прежде всего, существуютъ народы, ранѣ входившіе въ составъ имперіи, право которыхъ на самостоятельное существованіе не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ отношеніи же остальныхъ народовъ Россіи предстоитъ, повидимому, осуществить чуть ли не всю гамму возможныхъ національныхъ построеній, начиная отъ развитыхъ федеративныхъ формъ и кончая территоріальной, а, быть можетъ, даже и национально - персональной автономіей.

Отсутствіе определенной, обязательной схемы, въ которую всегда и всюду укладывалось бы практическое разрѣшеніе каждой конкретной національной проблемы, дѣлаетъ необудительнымъ поверхностныя сравненія различныхъ национальныхъ движеній, между которыми на ряду съ не-